

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•

Фрайди. Бездна

•

Астронавт Джонс. Время для звезд

•

Кукловоды. Дверь в Лето

•

Луна — суровая госпожа

•

Красная планета. Звездный зверь

•

Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

•

Иов, или Комедия справедливости

•

*Небесный фермер. Среди планет.
Космическое семейство Стоун*

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Небесный фермер
Среди планет
Космическое
семейство Стоун**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
FARMER IN THE SKY
Copyright © 1950 by Robert A. Heinlein
BETWEEN PLANETS
Copyright © 1951 by McCall Corporation and Robert A. Heinlein
THE ROLLING STONES
Copyright © 1952 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
Кирилла Плешкова, Андрея Шарова, Натальи Виленской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.*

ISBN 978-5-389-14540-5

© К. Плешков, перевод, 2018
© А. Шаров (наследники), перевод, 2018
© Н. Виленская, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Смещение фронта

Если каравеллы Колумба гнала через океаны жажда золота и пряностей, то первопроходцев космоса отправляли в черную бездну куда более приземленные нужды — голод и потребность в энергии. Население Терры неуклонно росло, качество жизни неуклонно падало, но люди, как и любой другой биологический вид, отвечали на ухудшение условий жизни ускоренным размножением. Колонии Луны и Венеры не могли снизить величину демографического давления, они лишь поглощали излишек социально активного населения, что позволяло властям хоть как-то контролировать оставшихся. Но даже пассивное большинство представляло угрозу для человечества и земной цивилизации — просто потому, что все эти люди хотели есть.

Ни Луна, что была безжизненным каменным шаром, ни ее антипод, обильная жизнью Венера, не могли насытить постоянно растущие аппетиты Земли. Освоение Луны было довольно затратным предприятием, а джунгли Венеры неохотно что-либо выпускали из своих зеленых объятий. И когда с третьей попытки люди сумели закрепиться на Марсе, там немедленно заработал атмосферный проект. Во многом он был чисто политическим шоу — истинные затраты на полный комплект оборудования и реальные сроки восстановления кислорода из древних осадочных пород были несоизмеримы с циклами политической жизни. Куда более реальной и привлекательной представлялась задача терраформирования малых планет, покрытых водной и метановой оболочкой. Производство кислорода электролизом из такого сырья было на порядки более эффективно, чем его термическое восстановление из оксидов кремния и железа

в марсианских песках. Проблема была в том, что ледяные шары Европы, Каллисто и Ганимеда находились от Земли на расстоянии шестисот миллионов километров — на орбите вокруг планеты-гиганта Юпитера.

Древние атомные ракеты, с помощью которых шло освоение Венеры и Марса, тратили годы на полет к Юпитеру и обратно, что превращало терраформинг его спутников в довольно долгое и дорогостоящее предприятие. И тем не менее человечество расходовало на эти экспедиции тонны урана и железа, потому что эффективная отдача планет-колоний продолжала падать. На них зарождались собственные социальные структуры и складывались нации — со всеми вытекающими обстоятельствами.

Восстания вспыхнули в последней четверти XXI века, практически одновременно на всей периферии. Земля лишилась радиоактивных материалов и биоресурсов Венеры, продукции лунной гидропоники и возможности контролировать марсианский проект. Но луны Юпитера продолжали снабжать Землю продовольствием, а промежуточная база на Церере стала новым форпостом земной цивилизации, откуда началось освоение и разработка ресурсов в поясе астероидов.

По иронии судьбы национальные революции стали последним проявлением пассионарности в колониях: в условиях полной изоляции и отсутствия внешнего давления там быстро сформировались национальные бюрократические структуры, перенявшие и отчасти скопировавшие функции земной колониальной администрации. К концу века колонии превратились в экономически и политически самостоятельные государства, медленно, но неуклонно дрейфующие обратно в объятия земной метрополии. Вчерашние революционеры и их потомки отправились на новую периферию Ойкумены — в Пояс астероидов, к спутникам Юпитера и Сатурна.

К этому времени окраины Солнечной системы стали действительно доступны. Появлению нового фронта было бы невозможно без масс-конвертора Томпсона в качестве источника энергии и факела Ортеги в качестве двигателя космических кораблей. Новая техника полностью изменила

прежние расчеты эффективности и доступности космических проектов. Спутники планет-гигантов и астероиды внезапно оказались совсем рядом, и то, что вчера казалось неэффективной бессмыслицей, теперь обрело вполне реальный смысл.

Пояс способен был насытить энергетический голод, луны Юпитера исправно поставляли продовольствие, а новые корабли легко справлялись с потоками переселенцев. Но в начале XXII века эти проблемы внезапно потеряли актуальность — Третья мировая война резко снизила демографическое давление, масс-конвертор доказал свою эффективность в качестве источника энергии на любом доступном сырье, а промышленное производство синтетической пищи навсегда отправило голод в область древних страшилок.

Однако, решая эти задачи, человечество сдвинуло фронт с внутренних планет к границам Системы, и теперь любая внутренняя проблема, любой побудительный импульс мог отправить его только дальше — к звездам.

С. В. Голд

Небесный фермер

Посвящается Сэнди

1. ЗЕМЛЯ

В тот день наш отряд был в горах Сьерра-Невада, и мы припозднились с возвращением. Из лагеря стартовали вовремя, но служба управления движением развернула нас далеко на восток из-за непогоды. Меня это не обрадовало — отец обычно не садился ужинать один.

К тому же мне подсунули в качестве второго пилота какого-то нового мальчишку — мой обычный второй пилот и заместитель командира патруля заболел, поэтому скаут-мастер мистер Кински дал вместо него этого балбеса. Сам мистер Кински летел на другом вертолете с патрулем кугуаров.

— Почему не прибавишь скорость? — поинтересовался балбес.

— Никогда не слышал о правилах воздушного движения? — спросил я.

Вертолет управлялся дистанционно с земли и медленно летел по заданному курсу вдоль выделенного нам транспортного коридора.

— Всегда можно сочинить что-нибудь непредвиденное, — рассмеялся балбес. — Сейчас увидишь.

Он включил микрофон:

— Лис восемьдесят третий вызывает службу...

Я отключил связь, а потом, когда диспетчер ответил, включил снова и сказал, что их вызвали по ошибке. Балбес не скрывал своего недовольства.

— Маменькин сыночек! — приторно-сладким голосом произнес он.

Вот этого говорить точно не стоило.

— Иди назад, — велел я ему, — и скажи Слэтсу Кейферу, чтобы шел сюда.

— Зачем? Он не пилот.

— Ты, как мне кажется, тоже. Но он весит столько же, сколько и ты, а я не хочу нарушать баланс этого драндулета.

Он откинулся на спинку сиденья:

— Старик Кински назначил меня вторым пилотом, так что никуда я отсюда не уйду.

Я досчитал до десяти и промолчал. Пилотская кабина летящего вертолета — не самое подходящее место для драки. Больше мы не произнесли ни слова, пока я не посадил машину на площадке Северный Сан-Диего и не выключил сопла на роторе.

Вышел я, естественно, последним. Мистер Кински ждал нас, но я его не видел — все мое поле зрения занимал тот балбес.

— Может, повторишь, что ты тогда сказал? — Я схватил его за плечо.

Между нами встал появившийся словно ниоткуда мистер Кински:

— Билл, Билл! Что это значит?

— Я... — Я собирался заявить, что намерен выбить этому балбесу все зубы, но передумал.

Мистер Кински повернулся к нему:

— В чем дело, Джонс?

— Я ничего не сделал! Спросите кого угодно.

Я уже намеревался сказать, что он может повторить то же самое перед пилотской комиссией — нарушение субординации в воздухе всегда считалось серьезным проступком. Но его фраза «спросите кого угодно» меня остановила. Никто, кроме нас двоих, ничего не видел и не слышал.

— Билл, проведи перекличку патруля и отпусти их, — сказал мистер Кински, посмотрев на нас обоих.

Так я и сделал, а потом отправился домой.

В общем, добрался я уже весь вымотанный и на нервах. По дороге послушал новости, которые ничем меня не порадовали. Паек урезали на очередные десять калорий, отчего я ощутил еще больший голод, вспомнив, что не успеваю

к ужину с отцом. Дальше в новостях сообщили, что космический корабль «Мэйфлауэр» наконец введен в строй и открыт прием заявлений от потенциальных эмигрантов.

«Что ж, кому-то повезет, — подумал я. — Никаких урезанных пайков, никаких балбесов вроде Джонса...»

И новенькая, с иголки, планета.

Джордж — то есть мой отец — сидел в гостиной, просматривая какие-то бумаги.

— Привет, Джордж, — сказал я. — Ты ужинал?

— Привет, Билл. Нет.

— Сейчас приготавливаю.

Войдя в кухню, я понял, что он не только не ужинал, но и не обедал. Надо соорудить ему двойную порцию.

Достав из холодильника два синтестейка, я бросил их в размораживатель, добавил большой пакет картофеля «айдахо» для отца и пакет поменьше для себя, затем вынул упаковку салата и оставил ее греться естественным путем.

К тому времени, когда я залил кипятком два суповых кубика и порошок кофе, стейки уже были готовы для жарки. Я перенес их в гриль, установил средний режим и прибавил температуру размораживателя, чтобы картошка подспела к стейкам, после чего вернулся к холодильнику за парой кусков торта с мороженым на десерт.

Гарнир разогрелся. Быстро взглянув на сводку продовольственных расходов, я решил, что мы можем себе позволить чуть больше, и отрезал к картошке пару кусочков маргарина. Звякнул гриль; я извлек из него стейки, поставил все на стол и включил свечи, как это всегда делала Энн.

— Иди, все готово! — крикнул я.

Переписав с упаковок данные о калориях и количестве баллов, я бросил их в мусоросжигатель. Так никогда не запутаешься в расходах.

Едва я закончил, отец сел за стол. Прошло всего две минуты двадцать секунд — в готовке на самом деле нет ничего сложного. Не понимаю, почему женщины устраивают из-за этого такую кутерьму. Вероятно, в их действиях просто нет системы.

— Господи! — Отец понюхал стейки и широко улыбнулся. — Билл, ты нас разоришь.

— Это уже моя проблема, — ответил я. — У меня пока остались излишки за этот квартал. — Я нахмурился. — Вот только в следующем их уже не будет, если не перестанут урезать пайки.

Отец замер, не донеся кусок стейка до рта.

— Опять?

— Опять. Послушай, Джордж, я никак не пойму. В этом году был хороший урожай, к тому же в Монтане заработал завод по выращиванию дрожжей...

— Билл, ты ведь следишь за всеми новостями о продовольственном снабжении?

— Естественно.

— Обратил заодно внимание на результаты переписи населения в Китае? Попробуй посчитать на логарифмической линейке.

Я понял, что он имеет в виду, и стейк вдруг показался мне похожим по вкусу на старую резину. Какой смысл пытаться экономить, если кто-то на другой стороне планеты намерен обратить в прах все твои усилия?

— Этим чертовым китайцам стоило бы перестать плодиться и начать выращивать еду!

— Все, Билл, должно делиться поровну.

— Но...

Я замолчал. Джордж, как обычно, был прав, но отчего-то мне это показалось не вполне честным.

— Слышал про «Мэйфлауэр»? — спросил я, чтобы сменить тему.

— А что там с «Мэйфлауэром»?

Голос отца вдруг стал настороженным, что меня удивило. С тех пор как умерла Энн — моя мать, — мы с Джорджем сблизились настолько, насколько только могут сблизиться двое мужчин.

— Ну... он введен в строй, только и всего. Начался отбор эмигрантов.

— И что? — столь же настороженно спросил отец. — Чем вы сегодня занимались?

— Ничем особенным. Прошли пешком около пяти миль к северу от лагеря, и мистер Кински принял у некоторых ребят зачеты. И я видел горного льва.

— Что, правда? Я думал, их больше не осталось.

— Ну... мне показалось, будто я его видел.

— Значит, скорее всего, так оно и было. Что еще?

Поколебавшись, я рассказал ему о том балбесе, Джонсе.

— Он даже не из нашего отряда. Как он смеет вмешиваться в мою работу пилота?

— Ты правильно поступил. Похоже, Билл, этот балбес Джонс, как ты его называешь, слишком молод, чтобы доверить ему пилотскую лицензию.

— Собственно, он на год старше меня.

— В мое время даже подавать на лицензию можно было лишь после того, как тебе исполнится шестнадцать.

— Времена меняются, Джордж.

— Это точно. Это точно...

Отец внезапно погрузился, и я понял, что он думает об Энн.

— Неважно, сколько ему лет, — поспешно сказал я, — но как этот червяк Джонс смог бы пройти тест на психологическую устойчивость?

— Психологические тесты несовершенны. Как и люди.

Отец откинулся в кресле и, закулив трубку, спросил:

— Хочешь, Билл, я сам приберусь сегодня?

— Нет, спасибо.

Он всегда об этом спрашивал, и я всегда отказывал. Отец слишком рассеян и отправляет продовольственные баллы в мусоросжигатель. Зато от моего внимания ничто не ускользает.

— Сыграем в криббедж? — предложил я.

— Я тебя наголову разгромлю.

— Кто же еще, кроме тебя?

Я собрал мусор, сжег посуду и последовал за отцом в гостиную. Он уже доставал доску и карты.

Похоже, мысли его были заняты вовсе не игрой. Я уже был близок к выигрышу, прежде чем он успел всерьез начать партию. Наконец он положил карты и посмотрел прямо на меня:

— Сынок...

— Гм? — В смысле: «Да, Джордж?»

— Я решил эмигрировать на «Мэйфлауэре».

Я опрокинул доску для криббеджа, но тут же поднял ее, сбавил обороты и попытался выровнять полет.

— Круто! Когда отбываем?

Отец яростно затянулся трубкой:

— В том-то и суть, Билл. Ты никуда не летишь.

Я лишился дара речи. Отец никогда прежде так со мной не поступал. Несколько мгновений я лишь сидел, шевеля губами, словно рыба, и лишь затем сумел проговорить:

— Папа, ты шутишь.

— Нет, сынок, не шучу.

— Но почему? Ответь мне на единственный вопрос: почему?

— Понимаешь, сынок...

— Называй меня Билл.

— Хорошо, Билл. Одно дело — когда я сам решаю рискнуть, начав жизнь колониста, но у меня нет никакого права ломать жизнь тебе. Ты должен завершить образование. На Ганимеди нет приличных учебных заведений. Выучишься, станешь взрослым — и если уже тогда захочешь эмигрировать, дело твое.

— И это единственная причина? Потому что я должен учиться?

— Да. Ты останешься здесь и получишь диплом. Мне бы хотелось видеть тебя и с докторской степенью. А потом, если пожелаешь, можешь ко мне присоединиться. Своего шанса ты не упустишь — кандидаты, имеющие там близких родственников, рассматриваются в первую очередь.

— Нет!

Отец, похоже, оставался непоколебим. Впрочем, и я, пожалуй, тоже.

— Джордж, послушай меня. Если ты меня здесь бросишь, никакой пользы от этого не будет. Я не стану учиться. Я уже сейчас могу сдать экзамены на гражданство третьего класса. А потом получу разрешение на работу, и...

— Разрешение на работу тебе не потребуется, — оборвал он меня. — Я оставлю тебе хорошее содержание. Билл, ты...

— Хорошее содержание? Думаешь, я притронусь хоть к одному твоему кредиту, если ты улетишь и бросишь меня? Буду жить на стипендию, пока не сдам экзамены и не получу рабочую карточку.

— Не так громко, сынок! Ты ведь гордишься тем, что ты скаут?

— Ну... да.

— Кажется, припоминаю, что скаутам положено слушаться старших. И быть с ними вежливыми.

Меня словно обдало жаром. Следовало сообразить, что он это скажет.

— Джордж...

— Да, Билл?

— Если я был с тобой груб — извини. Но законы скаутов придуманы не для того, чтобы скаутами легче было командовать. Пока я живу в твоём доме — буду делать все, что скажешь. Но если ты меня бросишь, у тебя больше не будет на меня никаких прав. Разве это нечестно?

— Будь благоразумен, сынок. Я поступаю так ради твоего же блага.

— Не соскакивай с темы, Джордж. Честно или нечестно? Если ты улетишь за миллионы миль отсюда, как ты можешь рассчитывать, что сумеешь влиять на мою жизнь? Я буду сам по себе.

— Я все равно останусь твоим отцом.

— Отцы и сыновья должны держаться вместе. Насколько я помню, отцы, приплывшие на том, первом «Мэйфлауэре» взяли с собой своих детей.

— Это другое дело.

— Почему?

— Речь идет о намного более далеком путешествии. И весьма опасном.

— И тогда было опасно — все знают, что половина колонии в Плимуте умерла в первую же зиму. И расстояние ничего не значит — важно то, сколько времени занимает путешествие. Если бы сегодня мне пришлось идти назад пешком, мой поход затянулся бы и на следующий месяц. Пилигримам потребовалось шестьдесят три дня, чтобы пересечь Атлантику, — по крайней мере, так учили в школе. Но сегодня в новостях сказали, что «Мэйфлауэр» — нынешний «Мэйфлауэр» — доберется до Ганимеда за шестьдесят дней. То есть получается, что до Ганимеда ближе, чем от Лондона до Плимута-Рока.

Отец встал и выбил трубку.

— Я не собираюсь с тобой спорить, сынок.

— И я тоже...

Я глубоко вздохнул. Возможно, продолжать не следовало, но меня охватила злость. Ко мне никогда прежде не относились подобным образом, и, вероятно, я хотел причинить ответную боль.

— ...но вот что я тебе скажу: ты не единственный, кого тошнит от урезанных пайков. Если ты думаешь, что я собираюсь тут оставаться, пока ты будешь жрать от пуза в своих колониях, то советую подумать еще раз. А я-то считал, будто мы — партнеры...

О последних своих словах я тут же пожалел. Именно это сказал он мне на следующий день после смерти Энн, и так с тех пор оставалось всегда.

Еще не успев договорить, я понял, почему Джордж хотел эмигрировать и что продовольственные баллы тут вовсе ни при чем. Но я не знал, как взять собственные слова назад.

Отец уставился на меня, затем медленно проговорил:

— Думаешь, в этом все дело? Что я хочу улететь, чтобы больше не пропускать обед, экономя продовольственные баллы?

— А в чем еще? — спросил я, не зная, что ответить.

— Гм... хочешь — верь, хочешь — нет, Билл, но больше мне сказать нечего. Пойду, пожалуй, спать.

В смешанных чувствах я отправился к себе в комнату. Мне настолько хотелось, чтобы рядом была мама, что я в буквальном смысле ощущал это желание на языке, зная, что то же самое чувствует и Джордж. Она никогда не допустила бы, чтобы наш спор дошел до той точки, когда мы начали бы кричать друг на друга — или, по крайней мере, я на него. К тому же наши партнерские отношения разрушились и никогда уже не могли бы стать прежними.

После душа и долгого массажа я почувствовал себя лучше. Я понял, что на самом деле наше партнерство не так-то просто разрушить. В конечном счете Джордж все равно бы понял, что я должен лететь с ним, и не позволил бы колледжу встать на моем пути. В этом я нисколько не сомневался — или почти не сомневался.

Я начал думать о Ганимеди.

Ганимед!

Да что там — я даже на Луне никогда не бывал!

У нас в классе был мальчик, который родился на Луне. Его родители остались там, а его отправили домой учиться. Он строил из себя покорителя глубокого космоса, но расстояние до Луны составляло меньше четверти миллиона миль — в нее практически можно было швыряться камнями. Лунная колония не могла обеспечивать сама себя, и там действовали те же нормы пайков, что и на Земле. По сути, это была часть Земли. Но — Ганимед!

Я вспомнил, что до Юпитера примерно полмиллиарда миль, плюс-минус в зависимости от времени года. Как могло мизерное расстояние до Луны сравниться с подобным прыжком?

Внезапно я понял, что забыл, каким по счету спутником Юпитера является Ганимед — третьим или четвертым. Но знать мне это было обязательно нужно. В гостиной лежала книга, которая могла сообщить и эту информацию, и много другой, — «Путешествие по колониям Земли» Элсуорта Смита. Я направился за ней.

Отец так и не ложился — сидел в кресле и что-то читал.

— О... привет, — сказал я и принялся искать книгу.

Он кивнул и продолжал читать.

Книги на обычном месте не оказалось. Я огляделся вокруг.

— Что ищешь, Билл? — спросил отец.

И тут я увидел, что он держит именно ее.

— Гм... ничего, — ответил я. — Не знал, что книга у тебя.

— Эта? — показал отец.

— Неважно. Найду что-нибудь еще.

— Бери. Я уже просмотрел.

— Ну... ладно, спасибо.

Взяв книгу, я направился к двери.

— погоди, Билл.

Я остановился.

— Решено, — сказал он. — Я никуда не лечу.

— Гм?!

— Ты был прав насчет того, что мы партнеры. Мое место здесь.

— Да, но... Послушай, Джордж... извини за то, что я наговорил насчет пайков. Я знаю, что дело не в этом. Просто... ты должен лететь.

Мне хотелось сказать ему: я знаю, все дело в Энн. Но я боялся, что если произнесу имя Энн вслух, то тут же разрыдаюсь.

— Другими словами, ты согласен остаться — и учиться дальше?

— Ну... — К ответу я был не вполне готов, будучи полон решимости лететь сам. — Я не совсем это имел в виду. Я имел в виду, что знаю, почему ты хочешь лететь... почему ты должен лететь.

— Гм... — Он долго раскуривал трубку. — Понимаю. А может, и нет. — Он помолчал. — Давай так, Билл. Наше партнерство остается в силе. Либо мы оба летим, либо оба остаемся — если только ты добровольно не останешься, чтобы получить степень и присоединиться ко мне потом. Так честно?

— Ну... да, конечно!

— Тогда поговорим позже.

Я пожелал ему доброй ночи и поспешно нырнул в свою комнату.

«Вильям, малыш, — сказал я себе, — все уже практически решено, — если только не окажешься чересчур мягкосердечным и не согласишься остаться».

Забравшись в постель, я раскрыл книгу.

Ганимед был третьим спутником Юпитера — удивительно, что я об этом забыл. Размерами он превосходил Меркурий и еще больше Луну — вполне приличная планета, пусть даже и спутник. Сила тяжести на поверхности составляла одну треть земной — там я весил бы примерно фунтов сорок пять. Первый контакт состоялся в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году — об этом я знал, — а проект по созданию атмосферы начался в тысяча девятьсот девяносто восьмом и продолжался до сих пор.

В книге имелось стереоизображение Юпитера, каким он был виден с Ганимеда, — круглый, словно яблоко, красно-оранжевый и приплюснутый на обоих полюсах. И еще он был невероятно огромен и прекрасен. Глядя на него, я заснул.

В последующие три дня у нас с отцом не нашлось возможности поговорить, поскольку все это время я провел вместе с классом в Антарктике, откуда вернулся с обмороженным носом и шикарными фото пингвинов. У меня было время подумать.

Отец, как обычно, забыл записать расходы, но сохранил упаковки от продуктов, так что я быстро привел всю бухгалтерию в порядок.

После ужина я позволил ему выиграть у меня две партии, а потом сказал:

— Слушай, Джордж...

— Да?

— Помнишь, о чем мы говорили?

— Ну... да.

— В общем, так. Я несовершеннолетний и не могу полететь, если ты мне не разрешишь. Мне кажется, тебе стоило бы так и сделать, но если нет — учебу я не брошу. В любом случае ты должен лететь — сам знаешь почему. Прошу тебя: подумай еще раз и возьми меня с собой. Но и вести себя словно капризный младенец я тоже не стану.

Отец в замешательстве посмотрел на меня:

— Вполне достойная речь, сынок. Имеешь в виду, что готов отпустить меня, а сам остаться здесь, продолжать учебу и не устраивать по этому поводу истерик?

— Ну, не то чтобы готов... но буду вынужден смириться.

— Спасибо. — Отец пошарил в кармане и достал фотографию. — Можешь взглянуть.

— Что это?

— Фотокопия твоего заявления на эмиграцию. Я подал его два дня назад.

2. ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ

В последующие несколько дней мои дела в школе шли не лучшим образом.

Отец предупредил, чтобы я не особо настраивался, — наши заявления пока не одобрили.

— Знаешь, Билл, заявок поступило вдесятеро больше, чем реально может полететь.

— Но большинство хотят на Венеру или Марс. Ганимед слишком далеко, и это отпугивает неженков.

— Я не имел в виду заявки на все колонии, а только на Ганимед, конкретно на первый рейс «Мэйфлауэра».

— Даже при всем при этом тебе меня не напугать. Всегда было так, что достойным оказывался лишь один из десяти.

Отец со мной согласился, сказав, что впервые в истории были приложены некоторые усилия, чтобы отобрать для колонизации лучших, вместо того чтобы использовать колонии в качестве свалки для неудачников и криминальных элементов.

— Но, Билл, с чего ты решил, что мы с тобой обязательно подойдем? — добавил он. — Ни ты, ни я не супермены.

Слова его потрясли меня до глубины души. Мысль, что мы можем оказаться не вполне достойными, даже не приходила мне в голову.

— Джордж, они просто не могут нам отказать!

— Вполне могут.

— Но как? Там нужны инженеры, а ты крутой спец. Я, конечно, не гений, но делаю успехи в школе. Мы оба здоровы, у нас нет никаких вредных мутаций — мы не дальтоники, не больны гемофилией и все такое прочее.

— Никаких вредных мутаций, о которых мы знаем, — поправил отец. — Однако соглашусь с тем, что мы, похоже, удачно выбрали себе прародителей. Собственно, ни о чем столь очевидном я даже не думал.

— Тогда что? Что может нам помешать?

Отец повозился с трубкой, как всегда бывало, когда ему не хотелось отвечать сразу.

— Билл, когда я выбираю для работы стальной сплав, мало сказать: «Что ж, неплохой блестящий кусок металла — вот его и возьмем». Нет, мне приходится принимать в расчет длинный список испытаний, которые расскажут мне все про этот сплав, на что он годен и чего я могу от него ожидать в конкретных обстоятельствах, в которых собираюсь его использовать. Если бы тебе пришлось отбирать людей для тяжелой работы в колониях, кого бы ты искал?

— Ну... не знаю.

— Вот и я не знаю. Я не социальный психометрист. Но говорить, будто им нужны здоровые люди с приличным образованием, примерно то же самое, что говорить, будто мне нужна для работы сталь, а не древесина. Важен как минимум сорт стали. А может, нужна вообще не сталь, а титановый сплав. Так что не особо надейся.

— Но... слушай, а мы-то что можем сделать?

— Ничего. Если нас не выберут, можешь убеждать себя, что ты чертовски качественный сорт стали и не твоя вина, что им нужен был магний.

Все это, конечно, было очень хорошо, но меня несколько не радовало. В школе я, однако, не показывал виду. Я уже рассказал всем, что мы подали заявление на Ганимед, и, если бы нам отказали, я попал бы в довольно дурацкое положение.

Мой лучший друг Дак Миллер не находил себе места от волнения и тоже был полон решимости лететь.

— Но как? — спросил я. — Твои родители собираются туда?

— Я об этом уже подумал, — ответил Дак. — Все, что мне нужно, — кто-то из взрослых в качестве спонсора, опекуна. Если сумеешь уболтать своего старика за меня вписаться — все на мази.

— Но что скажет твой отец?

— Ему все равно. Он постоянно твердит, что, когда ему было столько же, сколько мне сейчас, он уже зарабатывал себе на жизнь. Мол, мальчик не должен ни от кого зависеть. Ну так как? Поговоришь сегодня вечером со своим стариком?

Я заверил его в этом, что и сделал.

Отец немного помолчал, затем спросил:

— Ты в самом деле хочешь, чтобы Дак полетел с тобой?

— Конечно. Он мой лучший друг.

— Что скажет по этому поводу его отец?

— Дак пока не спрашивал, — ответил я, а затем объяснил, как к подобному отнесся бы мистер Миллер.

— Вот как? — заметил отец. — Тогда давай подождем и посмотрим, что скажет мистер Миллер.

— Ладно... слушай, Джордж, то есть ты имеешь в виду, что вступишься за Дака, если его отец согласится?

— Я имею в виду то, что сказал, Билл. Подождем. Проблема может решиться сама собой.

— Ну, может, мистер и миссис Миллер тоже решат подать заявления, после того как Дак их слегка подстегнет?

Отец слегка изогнул бровь:

— У мистера Миллера, скажем так, здесь множество деловых интересов. Думаю, легче приподнять плотину Гувера, чем убедить его от них отказаться.

— Но ты же отказываешься от своего бизнеса?

— Это не бизнес, а моя профессиональная практика. Но я не отказываюсь от своей профессии — я беру ее с собой.

На следующий день, встретившись в школе с Даком, я спросил, что сказал его отец.

— Забудь, — ответил он. — Вопрос закрыт.

— То есть?

— Мой старик утверждает, что только у последнего идиота может возникнуть мысль отправиться на Ганимед. Мол, Земля — единственная планета в системе, пригодная для жизни, и если бы некая компания мечтателей не запудрила мозги правительству, мы давно бы перестали спускать деньги в унитаз, пытаясь превратить в зеленые пастбища несколько голых каменных глыб в небе. Он говорит, будто все это предприятие обречено.

— Вчера ты так не считал.

— Это было до того, как я узнал, что и как. Оказывается, мой старик намерен сделать меня своим партнером. Как только я окончу колледж, он собирается начать вводить меня в курс всех дел. Раньше он об этом не говорил, потому что хотел, чтобы я научился быть самостоятельным и инициативным, но решил, что пора мне об этом узнать. Что скажешь?

— Что ж, пожалуй, не так уж и плохо. Но что там насчет того, что «предприятие обречено»?

— «Не так уж и плохо» — скажешь тоже! В общем, мой старик говорит, что содержать постоянную колонию на Ганимеди нет никакой возможности. Это очень опасное место, и жизнь там приходится поддерживать искусственно — его точные слова. Когда-нибудь техника откажет, и вся коло-

ния погибнет до последнего человека. И тогда мы наконец перестанем поступать вопреки природе.

Больше мы не разговаривали — пора было идти в класс. Вечером я рассказал обо всем отцу.

— Что думаешь, Джордж?

— Ну... что-то в этом есть...

— Гм?!

— Не спеши. Если бы на Ганиমেде все сразу пошло не так и у нас не было бы средств это исправить, он вернулся бы к тому состоянию, в котором мы его обнаружили. Но это не весь ответ. У людей есть странное свойство считать «естественным» все, к чему они привыкли. Но никакой «естественной» природной среды, с тех пор как люди слезли с деревьев, давно не осталось. Билл, каково население Калифорнии?

— Пятьдесят пять — шестьдесят миллионов.

— Известно ли тебе, что первые четыре здешние колонии вымерли от голода? Истинная правда! Каким же образом здесь могут жить пятьдесят с лишним миллионов и не голодать? Не считая, естественно, урезания пайков? — Он сам ответил на собственный вопрос. — У нас четыре атомные станции на побережье только для того, чтобы превращать морскую воду в пресную. Мы используем каждую каплю из реки Колорадо и каждый фут снежного покрова, выпадающего в горах Сьерра-Невада. И мы применяем миллион других технических устройств. Если эта техника откажет — допустим, по-настоящему крупное землетрясение выведет из строя все четыре атомные станции, — страна вновь превратится в пустыню. Сомневаюсь, что нам удалось бы эвакуировать столько людей до того, как большинство из них умерло бы от жажды. Но вряд ли мистер Миллер не спит ночами, тревожась по этому поводу. Для него Южная Калифорния — вполне «естественная» среда. Все относительно, Билл. Когда у человека есть в распоряжении масса и энергия и хватает сообразительности понять, как с ними обращаться, он может создать любую среду, какая ему нужна.

После этого я почти не видел Дака. Примерно тогда же мы получили предварительные извещения о необходимости

пройти тесты на пригодность к жизни в колонии на Ганимеде, и свободного времени у нас оставалось мало. К тому же Дак, похоже, изменился, а может, изменился я сам. Все мои мысли были заняты предстоящим путешествием, а ему не хотелось говорить на эту тему. Или, может быть, он просто боялся сболтнуть что-нибудь такое, что мне бы не понравилось.

Отец не позволял мне бросать школу, пока оставалось неясным, подходим мы или нет, но из-за тестов мне все равно пришлось немало пропустить. Естественно, сначала была обычная медкомиссия с некоторыми дополнениями. Например, тест на перегрузку — я смог выдержать восьмикратную, прежде чем потерял сознание. Или тест на переносимость низкого давления и кровоточивость — негодились те, у кого шла кровь из носа или были расширены вены. И многое другое.

Но все эти тесты мы прошли. Затем последовали психологические проверки, которые оказались намного хуже, поскольку невозможно было понять, чего от тебя ждут, а зачастую ты вообще даже не знал, что тебя тестируют. Началось с гипноанализа, ставившего испытуемого в неравное положение, — кто знает, какую чушь ты нес, погруженный в сон?

Как-то раз мне пришлось долго дожидаться, когда придет психиатр, чтобы со мной побеседовать. В кабинете сидели двое клерков; когда я вошел, один из них достал из папки мою медико-психологическую карту и положил на стол.

— Ладно, коротышка, — сказал второй, рыжеволосый парень с приклеенной улыбкой. — Садись на скамейку и жди.

Какое-то время спустя рыжий взял мою папку и начал ее читать. В конце концов он фыркнул и повернулся к первому клерку:

— Эй, Нед, ты только глянь!

Тот прочитал указанное место, и, похоже, ему это тоже показалось забавным. Я заметил, что они наблюдают за мной, и сделал вид, что не обращаю на них никакого внимания.

Первый клерк вернулся за свой стол, но рыжий подошел к нему, держа в руках мою папку, и начал читать вслух столь тихо, что большинства слов я не смог разобрать. Услышанное, однако, заставило меня поежиться.

Закончив, рыжий посмотрел прямо на меня и рассмеялся.

— Что смешного? — встав, спросил я.

— Не твое дело, коротышка, — ответил он. — Сядь.

Я подошел к ним:

— Покажите.

Первый клерк сунул папку в ящик стола.

— Нед, маменькиному сыночку хочется глянуть, — сказал рыжий. — Почему бы ему не дать?

— Вряд ли ему понравится, — заметил первый.

— Да, пожалуй, — снова рассмеялся рыжий. — Кто бы мог подумать, что ему захочется стать отважным колони-стом!

Первый взглянул на меня, покусывая ноготь на большом пальце:

— Вряд ли это так уж смешно. Может, сгодится на кухне.

Рыжий, похоже, зашелся в конвульсиях.

— Спорю, он будет симпатично смотреться в фартуке.

Год назад я бы его стукнул, хотя он превосходил меня весом и ростом. При словах про «маменькиного сыночка» я позабыл обо всем своем желании отправиться на Ганимед. Мне хотелось только одного: стереть дурацкую ухмылку с его физиономии.

Но я сдержался. Не знаю почему — может, оттого, что сам командовал толпой непослушных сорванцов, патрулем Юкки. Как говорит мистер Кински, тот, кто не в состоянии навести порядок, не прибегая к помощи кулаков, никогда не станет командиром патруля под его началом.

Так или иначе, я просто обошел вокруг стола и попытался открыть ящик. Он оказался заперт. Я посмотрел на клерков; оба улыбались, но я — нет.

— Мне был назначен прием на тринадцать часов, — сказал я. — Поскольку доктор не явился, передайте ему, что я договорюсь с ним по телефону о другом времени.

Повернувшись, я вышел.

Придя домой, рассказал обо всем Джорджу. Он лишь выразил надежду, что я не ухудшил своих шансов.

С врачом я так и не встретился. Оказалось, что это были вовсе не клерки, а психометристы и на меня постоянно были направлены камера и микрофон.

Наконец мы с Джорджем получили извещения, где говорилось, что нас признали годными и включили в список пассажиров «Мэйфлауэра» — «при условии выполнения всех требований».

В тот вечер продовольственные баллы нисколько меня не волновали. Я устроил для нас обоих настоящий пир.

Упомянутые требования перечислялись в присланной брошюре. «Рассчитаться со всеми долгами» — это меня не волновало, поскольку никаких долгов, кроме половины кредита, которые я был должен Слэтсу Кейферу, у меня не имелось. «Прислать письменное обязательство явиться» — об этом должен был позаботиться Джордж. «Завершить любые действия перед судами высшей инстанции» — я никогда не бывал в суде, не считая скаутского Суда чести. Там упоминалось еще несколько пунктов, но с ними все мог решить Джордж.

Однако мне попался текст мелким шрифтом, который меня встревожил.

— Джордж, — сказал я, — тут говорится, что эмиграция ограничивается семьями с детьми.

Отец поднял взгляд:

— Разве мы не такая семья? Если ты, конечно, не против считаться ребенком.

— Ну... да, пожалуй. Я думал, имеются в виду супружеские пары с детьми.

— Не забивай голову.

Я промолчал, хотя и не был уверен, что отец точно знает, что говорит.

Немало времени ушло на прививки, анализы на группу крови и вакцинацию, так что в школу я почти не ходил. Когда меня не кололи или не брали у меня кровь, меня тошнило от последних проделанных надо мной процедур. Наконец нам пришлось вытатуировать на себе все наши меди-

Содержание

<i>С. В. Голд. Смещение фронта</i>	5
НЕБЕСНЫЙ ФЕРМЕР. Перевод К. Плешкова	9
СРЕДИ ПЛАНЕТ. Перевод А. Шарова	211
КОСМИЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТОУН <i>Перевод Н. Виленской</i>	425
<i>С. В. Голд. О романах «Небесный фермер», «Среди планет» и «Космическое семейство Стоун»</i>	643

Хайнлайн Р.

X 15 Небесный фермер ; Среди планет ; Космическое семейство Стоун : романы / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. К. Плешкова, А. Шарова, Н. Виленской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 672 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-14540-5

Действие романов, составивших этот том, происходит в сложный период истории будущего по Хайнлайну. По всей Солнечной системе вспыхивают восстания против диктатуры Земли. Колыбель человечества лишается радиоактивных материалов и биоресурсов Венеры, продукции лунной гидропоники и возможности контролировать марсианский проект. Но луны Юпитера продолжили снабжать Землю продовольствием, а промежуточная база на Церере стала новым форпостом земной цивилизации, откуда началось освоение и разработка ресурсов в поясе астероидов. Вскоре эти проблемы потеряют актуальность — на Земле грядет Третья мировая война, но пока...

Билл Лермер, молодой герой космического фронта из романа «Небесный фермер», отправляется вместе с семьей на спутник Юпитера Ганимед, чтобы превратить маленькую планету в цветущий сад. Ганимед оказывается стойким орешком, впрочем и у новых его хозяев крепкие зубы и характер былых фронтисменов Дикого Запада.

В романе «Среди планет» юный бедолага Дон Харви попадает в водоворот событий, от которых зависит возможный исход войны между Землей и колониями Венеры.

В «Космическом семействе Стоун» читатель вместе с братьями-близнецами и непредсказуемым их семейством путешествуют на корабле «Роллинг Стоун» по просторам планетным. Предприятие это небезопасно, потому что путешествующая компания вечно вляпывается в какую-нибудь неприятность.

Перевод романа «Небесный фермер» выполнен заново. Переводы других романов публикуются в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
НЕБЕСНЫЙ ФЕРМЕР
СРЕДИ ПЛАНЕТ
КОСМИЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТОУН

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Елена Терскова, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.06.2018. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AFA-22800-01-R